

Дворцовые тайны

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Ровно 55 лет назад был задуман Дворец культуры моторостроителей. А завтра исполняется 45 лет с того дня, как автор его проекта Алексей Тимофеевич Мулик покончил жизнь самоубийством.

Одно из самых значительных зданий Ярославля советских времён строилось долго и мучительно. Даже на фоне типичных для своего времени долгостроев его эпопея выглядит особенно изощрённой.

Восстановить события тех лет помогли исследователь советской архитектуры города, доктор архитектуры Наталья Сапрыкина и дочь Мулика, доцент кафедры общей и физической химии Ярославского технического университета Елена Алексеевна Смирнова. Очень кстати оказалось и письмо читательницы «Северного края» Татьяны Евгеньевны Шидловской.

Ближайшим родственником нашего ДК совершенно справедливо называют Дворец культуры завода «Ростсельмаш» в Ростове-на-Дону (на снимке внизу). Его проект, разработанный в 1949 – 1950-х годах Алексеем Муликом, приглянулся ярославцам, и в сентябре 1953-го на совещании руководства автозавода (будущего моторного) последовало официальное решение «принять проект для строительства» у себя.

Принципиальное отличие предполагалось одно: «южный» вариант предостало переработать в «северный». Бокоры ротонды, своего рода «полубеседки», превращались из открытых в закрытые. Для наружной облицовки договорились использовать материалы более тёплых по цвету тонов.

Строительство обещало стать событием общегородского значения: здание формировало новую площадь (позже названную Юбилейной), фокусировало выход нескольких центральных улиц и пересечение двух проспектов – Ленина и Толбухина.

Алексей Тимофеевич (на снимке) был приглашён перебраться с семьёй в Ярославль. Проектирование велось сначала в УКСе моторного завода, затем в Ярославском филиале института «Гипроавтопром» (сейчас «Гипродвигатель»). Первый вариант проекта был готов через год после начала работы. Одновременно выяснилось, что завод явно переоценил свои возможности: прошло ещё два года, прежде чем в 1956 году удалось найти средства и начать строительство.

Первая корректировка проекта показала обычным рабочим моментом и особо не насторожила. Дело касалось некоторых изменений по части фундаментов, и автор без каких-то проблем пошёл навстречу возникшим обстоятельствам.

Затем от Мулика потребовали внести изменения в конструктивную часть здания. В связи с ограниченным «лимитом на проект» ему надлежало отказаться от всего привозного и приспособить проект к возможностям местной стройиндустрии. В одном из архивных документов читаем: с тем, чтобы балки, плиты, перемычки, столы соответствовали «типажу изделий, выпускаемых Ярославским трестом № 14».

Он приспособлял, корректировал, отстаивая, где удавалось, компромиссные решения. Денег по-прежнему подолгу не находилось. Завод останавливал строительство на месяцы, а то и на год-два. Принятые изначально технические решения устаревали – требовались новые переработки проекта уже по этой причине.

Всё это происходило на фоне событий, буквально сотрясавших тогда весь отечественный архитектурно-строительный мир. ЦК партии принял постановление об усилении так называемых излишеств в архитектуре. В официальных реляциях тех лет, касающихся дворца, появляется грозная фраза о необходимости «изменений внутреннего и внешнего оформления здания в части исключения архитектурных излишеств». Это уже выглядело серьёзнее, чем замена одной конструкции на другую. Развернулась целая кампания за пересмотр композиции плана здания, то есть за иной набор и расположение помещений. Тщательно продуманная и выверенная до того автором композиция летела в тартарары, чуть ли не всё надо было начинать сначала.

Корректировка плана здания позволила сэкономить 1 млн. рублей, но чего это стои-

Проблема, однако, в том, что ни город, ни область не вправе были поставить окончательную точку. Требовались согласования «наверху». 2 декабря 1961 года министр культуры РСФСР своим письмом одобрил то, что

фото из семейного архива.

сделал архитектор А. Т. Мулик, но в заключение письма, предложив «устранить излишества в архитектурном оформлении внутренних интерьеров», возвратил проект на переработку.

Креста на вас нет! – так и хочется сказать. Ведь к тому времени здание уже на две трети было готово. Будто в упокоение, через десять дней, 12 декабря, появляется на свет

сей Тимофеевич застрелился. По словам дочери, он оставил два предсмертных письма. В адресованном семье писал, что не может мириться с происходящими безобразиями. О том же, видимо, шла речь в письме, адресованном в УВД, но оно осталось без последствий.

Отец погиб в 58 лет, когда Елена окончила 9-й класс, а её брат – 4-й. В семье до сих пор не могут смириться с его гибелью.

Алексей Мулик родился в селе Ивановка Белоколодецкого района Харьковской области. Работал два года литейщиком, окончил художественно-промышленный техникум. Квалификацию архитектора получил, окончив Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (знаменитый ещё с дореволюционных времён Институт гражданских инженеров).

С Ленинградом связана значительная часть его жизни. Работал там архитектором в проектных организациях. Перед войной и всю войну был архитектором Всесоюзного алюминиево-магниевого института Ленинграда. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

После войны переведён на должность старшего архитектора в судостроительный проектный институт в Николаев. Позже получил назначение в Ростов-на-Дону.

– Отец был образцом справедливости и порядочности, –

читаю ваши публикации, посвящённые истории Ярославля, – пишет читательница «Северного края» Татьяна Евгеньевна Шидловская. – Предстоящий юбилей города – хороший повод вспомнить, как менялся его облик, отражая, как в зеркале, политическое и экономическое состояние общества. Возможно, читателям будет интересно судьба хорошо всем известного Дворца культуры моторостроителей. Мало кто знает, что первоначально в 1950-х годах прошлого века здание было запроектировано как настоящий дворец – с колоннами, лепниной и скульптурами при входе... К сожалению, тот проект не был реализован. Причин много – не хватало средств, возникли проблемы с грунтовыми водами и осадкой фундамента. Но самое главное – изменилась политика государства в области архитектуры. Начались многократные переделки проекта, стройка замерла. Старожилы помнят огромный котлован на месте дворца, служивший полигоном для игр детворы.

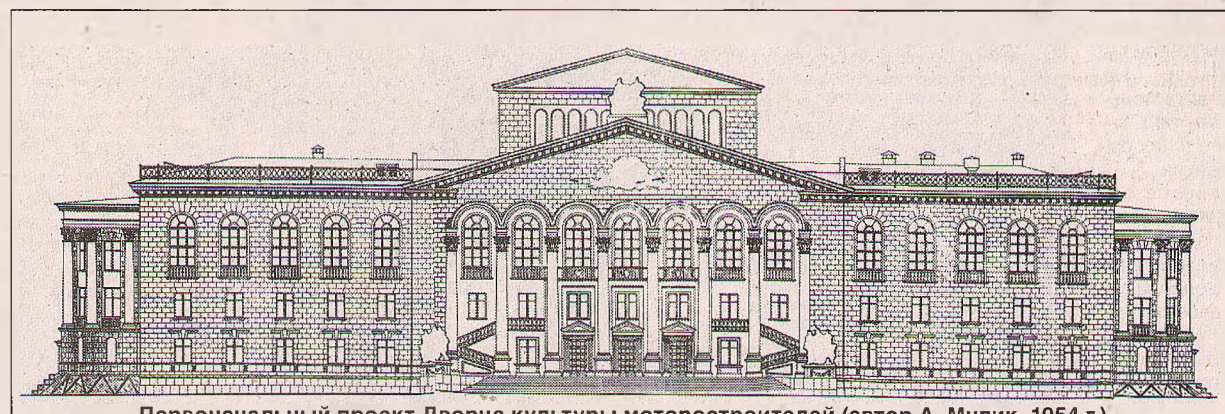
В 1965 году на старом фундаменте выросло здание в совершенно другом стиле – с чёткими геометрическими объёмами. Правда, скульптуры у входа были установлены. В архиве одного моего знакомого сохранилась фотография дворца с двумя скульптурами на гранитных постаментах. Женская фигура со скрипкой символизировала культуру, мужская – технику. Простояли они недолго. По моему подсчёту, не более полугода. Говорят, скульптуры убрали по указанию высокопоставленного партийного функционера. Куда они исчезли? В 1985 году после облицовки белым камнем здание приобрело современный вид, но мне кажется, что оно, как человек, помнит своё прошлое...

К сожалению, куда исчезли скульптуры, установить не удалось. Слухи, что их закопали тут же, с тыльной стороны дворца, вряд ли правдоподобны, хотя чего только не бывает на свете.

А вот ещё на одной фразе письма стоит остановиться. Наша читательница совершенно права в том, что стройка надолго замирала. Но то, что строительство возобновилось, как она пишет, «в начале 1960-х годов по проекту уже другого архитектора – В. П. Азова» – неправильно, утверждает Наталья Сапрыкина. Работая в архивах, она документально установила, что дворец построен по проекту Алексея Мулика. В рабочих чертежах и сопровождающих письмах и справках указано: «Автор проекта Мулик». Других авторов не значится.

Между тем, практически во всех путеводителях по Ярославлю в качестве авторов названы две фамилии. Бесспорно, после гибели Мулика кому-то надо было вести архитектурный надзор за реализацией проекта, уточнять детали и т. п. По её словам, стоит обратить внимание на репортаж с открытия дворца, опубликованный в «Северном рабочем». Корреспондент газеты Альберт Трофимов по самым свежим следам со ссылкой на руководителя (директора) дворца Николая Гончарова писал: «Автор проекта – Алексей Мулик и продолжатель его замысла Вадим Азов». Такая формулировка может считаться более верной.

Татьяна ЕГОРОВА.

Первоначальный проект Дворца культуры моторостроителей (автор А. Мулик, 1954 г.)

ло Алексею Тимофеевичу Мулику, можно только представить.

– Проектирование Дворца моторостроителей началось в период господства в стране неоклассицизма, – объясняет Наталья Сапрыкина. – Теперь то, что до тех пор считалось основой отечественной архитектуры, стало вне закона. Фактически с неоклассицизмом предписывалось безжалостно бороться. А здание Дворца моторостроителей ведь уже в значительной степени построено. Сделанное в камне не сотрёшь резинкой. Задача оказалась чрезвычайно сложной. Да, архитектор всегда готов к замечаниям. Но не к кардинальной переработке своего замысла. Честно говоря, я не знаю, где наши предшественники брали силы, чтобы пережить подобные скачки.

Тем не менее новый вариант проекта, основанный на дальнейшем упрощении архитектуры здания, был разработан и представлен городским властям. В целом к нему отнеслись благосклонно. Правда, попросили ещё раз откорректировать фасады.

письмо заместителя председателя Госстроя РСФСР с милостивым разрешением продолжить строительство. Но всё с тем же иезуитским замечанием: внешнюю архитектуру здания и его интерьеры нужно всё же упростить.

В 1962 году в очередной раз переработанный вариант проекта направляется для рассмотрения главному архитектору города Борису Львовичу Хуторянскому. Он и был принят для окончательной реализации.

На штампах всех чертежей значится автор проекта Мулик. Это была его последняя работа. 17 августа 1963 года Алек-

делится Елена Алексеевна. – Весёлый, жизнерадостный, душа компании, любитель леса, охотник. Вокруг него всегда складывалась доброжелательная обстановка. Проект Дворца моторостроителей стал для него в последние годы всем. Он, видимо, очень переживал по поводу того, что происходило. Помню звучавшие в доме слова: «не хотят понять», «заставляют». Он изменился, часто выглядел подавленным. Застрелился из своей двустволки.

А теперь о письме, которое пришло (бывают же такие совпадения!) этим летом в редакцию. «С большим интересом

